

Н. Лесков

Загадочный человек

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
Л50

Лесков Н.С.
Л50 Загадочный человек / Н. Лесков – М.: Книга по Требованию, 2021. – 100 с.

ISBN 978-5-4241-1347-5

Он жил, всем сердцем стремясь "служить родине словом правды и истины", искать лишь "правды в жизни", давая всякой картине, говоря его словами, "освещение подлежащее и толк по разуму и совести". Каждое его произведение - это художественно развернутый факт жизни, это художественная мелодия, возникающая на основе реальных событий и как бы незримо соотносящая, связывающая эти события с прошлым и обращающая к размышлениям о грядущем.

В рассказах и повестях Лескова, словно заново рожденные, возникали почти неизведанные области жизни, заставляя читателей вдруг оглянуться на весь русский мир. Здесь предстала и "отходящая самодумная Русь", и современная ему действительность. Разнообразные характеры героев раскрывались с беспощадной трезвостью и с неизменной любовью.

ISBN 978-5-4241-1347-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021
© Н.С. Лесков, 2021

Николай Лесков
Загадочный человек

ИСТИННОЕ СОБЫТИЕ

С письмом Н. С. Лескова к Ивану Сергеевичу Тургеневу (1871 г.)

Милостивый государь, Иван Сергеевич!

Я, весьма вероятно, не решился бы написать этого очерка, если бы Вы первый не подняли своего голоса в защиту молодого человека, злополучные приключения которого здесь рассказаны. Ваши почин в этом деле дал мне мысль и возможность несколько подробнее опровергнуть злостные клеветы, преследовавшие Артура Бенни при его жизни и не пощадившие его в некрологе, напечатанном после его смерти. Мне не раз приходилось в настоящем рассказе упоминать Ваше почтенное имя, так как Вашими добрыми мнениями о Бенни я старался подкреплять свое собственное мнение о нем, и потому первому Вам посылаю эту книгу с просьбою принять ее. Чтобы сделать эту повесть возможно полною, я, при нынешнем ее издании, воспользовался Вашими указаниями на прежние промахи и ошибки в моем рассказе и дополнил кое-что с Ваших слов и со слов П. Д. Боборыкина, а равно присовокупил некоторые подробности о кончине Бенни, напечатанные в трех номерах периодического издания 2-гою Якоби. Таким образом в этой книжке теперь собрано почти все, касающееся того «загадочного человека», который, при безвестности своего происхождения и отсутствии выдающихся и крупных дарований, приобрел себе у нас самую разнообразную известность в самых дарвородных кружках и которого потом неразборчивые люди предпочли оклеветать и достигли этого с таким успехом, какого, к сожалению, не достигают попытки установить настоящий взгляд на Бенни. Но тем не менее, делая еще одну и последнюю такую попытку, названную Вами в почтенном письме Вашем ко мне «делом хорошим и честным», я утешаюсь хоть тем, что отныне клевете, до сих пор с непостижимою упорностью не позабывающей Артура Бенни, уже придется иметь против себя печатное свидетельство честирых человек, то есть Ваше, госпожи Якоби, мое и П. Д. Боборыкина, выразившего мне свое намерение не оставить безотзывно этого моего опыта представить русскому обществу наглядный образец, чем оно увлекается то в ту, то в другую сторону и как у нас, благодаря шаткости общественного мнения, составлялись и составляются репутации.

Есть люди, которые смотрят на напечатание моих воспоминаний о Бенни совсем не так, как взглянули на это Вы и другие почтенные лица, сочувствие и одобрение которых мне приятно и дорого. Нашлись господа, которым хотелось бы, чтобы Артур Бенни остался в том самом убранных, в которое они его снарядили, сваливая всякую дрянь с больной головы на здоровую. Я получал не только укоризны, но даже угрозы не продолжать этой истории, но я ее продолжил, окончил и издаю в свет отдельною книгою, предоставляя кому угодно видеть в этом прямой ответ мой на все заявленные мне неудовольствия, а Вам я тут же, на первой странице этой книги, позволяю себе принести мою глубочайшую признательность за ту большую нравственную поддержку, которую Вы оказали мне Вашими строками, утвердив меня во мнении, что моя попытка восстановить истину в этой запутанной истории есть дело честное, к которому и Вы не остаетесь равнодушны.

Еще раз прошу Вас, принимая книгу, посылаемую при настоящих строках,

принять и мою глубокую благодарность за эту поддержку и уверение в моих почтительнейших к Вам чувствах, с каковыми имею честь быть Вашим покорнейшим слугою

Николай Лесков.

С.-Петербург, июнь 1871 г.

Глава первая

Повествователи и романисты одного довольно странного литературного направления долго рассказывали о каких-то непоседливых людях, которые всё будто уезжали из Петербурга в глубь России и делали там какие-то «предприятия»; но, к сожалению, ни один из писателей этого одностороннего направления не воспроизвел сколько-нибудь осязательного типа упомянутых им предпринимателей, и тайна, в чем именно заключаются так называемые их «предприятия», остается для всех до такой степени тайною, что множество людей даже сомневаются в том, были ли в действительности самые предприниматели? Между тем, несомненно, что «предприниматели» такие – не совсем выдумка. Предприниматели действительно бывали, и вот один из таковых, не сочиненный и не измышленный, а живой, с настоящим его именем и в настоящем его свете и значении.

В 1870 г. в «Иллюстрированной газете» г. В. Зотова была напечатано известие о смерти некоего *Артура Бенни*, человека, приобретшего себе некогда в некоторых петербургских и московских кружках самую быструю и странную известность. Он слыл то за герценовского эмиссара и предпринимателя, то за англичанина и тайного агента одного из административных русских учреждений.

Газетное известие о смерти этого человека слово в слово заключается в следующем: «Скончался Бенни, английский подданный, высланный за границу (России) по определению правительствующего сената. Владея хорошо русским языком, Бенни участвовал в некоторых наших периодических изданиях: „Русской речи“, „Северной пчеле“, „Книжном вестнике“. О нем ходило много толков, так как никто не знал, зачем он прибыл в Россию. Некоторые из этих толков были неблагоприятны для него. В последнюю Римскую кампанию он поступил в отряд гарибальдийцев и убит при Ментане».

Иван Сергеевич Тургенев, знавший покойного Бенни за человека честного, вступился за оскорбление его памяти намеком, кинутым на нее упоминанием о тех толках, которые, по словам некролога, «были неблагоприятны для Бенни», и напечатал в другой газете, что покойный Бенни был человек чистый и неповинный в том, что столь недостойно на него возводилось.

Вот и все краткое сказание о жизни и смерти человека, деятельность которого в России не лишена самого живого интереса и лучше всякого вымышленного направленного романа знакомит нас с характерами деятелей недавно минувшего, беспокойного и оригинального времени. Но, прежде чем мы дойдем до того рода деятельности Артура Бенни, которая давала повод досужим людям выдавать его то за герценовского эмиссара, то за шпиона, скажем два слова о том, кто таков был вправду этот Бенни, откуда он взялся на петербургскую арену и какими путями доходил он до избрания себе той карьеры, которою сделался известен в самых разнообразных кружках русской северной столицы.

Все, что далее будет следовать за сим, изложено частью по личным воспоминаниям автора и свидетельствам других, вполне достоверных очевидцев, частью же по рассказам самого покойного Бенни, с которым автор состоял в долгих и прочных дружеских отношениях, не прекращавшихся до высылки Бенни из России. Автор не скрывает, что, печатая, может быть, несколько рано этот свой очерк, он имеет желание очистить честную память Бенни от возведенных на него

злостных и бесчестных клевет. Автор просит верить ему, что он не вынужден для оправданий Бенни прибегать ни к каким утайкам и натяжкам, да это было бы и невозможно, потому что в литературных кружках Петербурга и Москвы теперь еще слишком много живых людей, которым история покойного Бенни известна, если не во всем целом, как она здесь излагается, то по деталям, из которых сгруппировано это целое. Ни лжи, ни лести здесь нет, да их и не нужно: пусть где Бенни был ребячлив и смешон, пусть он там таким и останется, дело не в его ребячливости или его серьезности, даже и не в его уме, а в его честности и отчасти в занимательности и поучительности его странной судьбы.

Глава вторая

Артур Бенни убит в самой цветущей молодости. Ему и теперь не было бы еще двадцати восьми лет.¹ Некоторые в Петербурге утверждали, что имя «Артур Бенни» – есть имя вымышленное и что человек, который жил здесь, между нас, под этим именем, есть *подольский шляхтич Бениславский*: это выпустил в Петербурге покойный г-н Европеус, но это неправда. Артур Бенни *действительно был Артур Бенни*. Он родился в Царстве Польском, в местечке Томашове-Равском, где отец его, Иоганн Бенни, был пастором томашовского евангелического прихода. Старик Бенни пользовался прекрасною репутациею и умер в 1862 году. Мать Артура Бенни, природная англичанка, была жива еще, когда вышло в свет это правдивое повествование. У Артура Бенни остались также братья: старший Герман (впоследствии томашовский пастор), и младший, Карл (медик, обучавшийся в Париже и ныне практикующий в Варшаве). Кроме этих двух братьев у него живы две сестры – Анна и Мария. Все это настоящие члены настоящего, а не вымышленного, и весьма почтенного семейства покойного томашовского пастора.

Несмотря на то, что семейство Бенни народилось и жило в Польше, дом Бенни оставался всегда домом английским; их домашние нравы, обычаи – все это было чисто английское, и английский язык был их домашним языком. Десятилетним мальчиком Артур Бенни был отвезен в польскую гимназию, в город Пиотрков, и поступил прямо в третий класс. Это был первый выход Артура Бенни из дома своего отца – из того дома, в котором он, живучи в Польше, мог гораздо удобнее воображать себя римлянином, афинянином или спартанцем, чем поляком, ибо воспитанный отцом своим, большим классиком, Артур Бенни о Риме, Спарте и Афинах знал в это время гораздо больше, чем о Польше. По рассказам покойного Бенни (которых он никогда не давал повода заподозреть ни в малейшей несправедливости), он в доме отца своего совсем не знал польского характера, а придя в соприкосновение с своими польскими сверстниками в пиотрковской гимназии, не умел ни на чем сойтись с ними и с первого же раза *не полюбил их*.

– Я, – говорил Бенни, – услышал от этих детей ложь, хвастовство и льстивость, которых я никогда не слышал в доме отца моего, где никто никогда не лгал и не лукавил. Притом у них бывали часто такие бесстыдные разговоры, что это мне было противно. А более же всего я решительно не мог выносить высокомерного и презрительного отношения этих мальчиков к простолюдинам и особенно к их собственным слугам, с которыми у нас в доме всегда было принято обращение самое мягкое.

Бенни был ребенок очень нежный, впечатлительный и способный увлекаться до бесконечности. В то самое время, когда им овладевало негодование на своих товарищей-мальчиков за их высокомерие с простолюдинами, рядом с этим в его нежную душу западало безграничное сожаление к самим этим простолюдинам, которые силою обстоятельств поставлены были в необходимость переносить господское высокомерие. Что это за сила обстоятельств? – рабство и бедность, – бедность рабства и рабство бедности. (Так решило себе дитя.) Кто же создал такое положение? Для кого оно выгодно? Для кого оно нужно? Кто может желать

его сохранения? Виновниками такого положения выходили, разумеется, помещики и вообще капиталисты. Нежное и восприимчивое дитя, дойдя путем своих размышлений до такого решения, нашло в своем детском сердце для людей, создавших такое положение другим людям, место непримиримой вражде, и с тех пор в ребенке росли все необходимые задатки для того, чтобы из него под известными влияниями со временем мог создаться настоящий, искренний и ревностный демократ и социалист.

Обстоятельства этому благоприятствовали.

Глава третья

В то самое время, когда Артур Бенни, соболезнуя своим отроческим сердцем о неравномерности распределения на земле прав и богатств, ломая себе голову над изобретением таких форм общежития, при которых бы возмущавшая его неравномерность не могла иметь места, – в Польше стояло много русских войск, и один полк или один отряд их был расположен в Пиотркове. Несколько солдат из этого отряда квартировали в том самом доме, где жил ученик Артур Бенни. Случилось так, что когда он, вообще чуждавшийся в то время своих товарищей, сидел однажды на дворе, где играли его сверстники, на этот же двор выполз подышать воздухом какой-то больной русский солдат и лег на солнышке, на куче сваленных на дворе бревен. Расшалившиеся польские мальчики, товарищи Бенни, заметив обессиленного, больного русского солдата, стали кидать в него мячом. Мальчики делали это как будто ненарочно; но Бенни знал, что они это делают с умыслом, чтобы досаждают больному. Благовоспитанному сыну томашовского пастора такой поступок представился крайне неблагородным. Бенни не вытерпел и сказал товарищам, что они поступают дурно и «не по-рыцарски». Мальчики отвечали ему, что он сам уж «za padło guszcZ» (чересчур рыцарь), что он, как поляк, не должен поступать по-рыцарски с москалем.

– А я, – рассказывал, смеясь, Бенни, – полный в то время прочитанных мною повестей о славных рыцарях и великих людях древних и новых времен, всегда поставлял себе задачею подражать этим людям. У нас, в нашем томашовском саду, были и свои замки, и свои рыцарские уставы, и все мы, братья, были «рыцари», а сестры наши дамы. Поэтому, привыкнув дорожить «рыцарством», я вспылил, что будто можно быть «рыцарем чересчур». Мне этот солдат, из-за которого началось дело, конечно, был совсем чужой человек по всему; но тут я вдруг просто полюбил его. «Москаль не стоит сожаления»... Мне сейчас же припомнилась известная американка, которая сказала, что если хотя три человека будут осуждены на вечное мучение в аду, то она будет просить, чтобы она была четвертая, и я, почти не помня себя от гнева, ответил, что если, будучи поляком, нельзя быть рыцарем, то я лучше не хочу быть и поляком...

– Впрочем, – продолжал Бенни, – я и успокоясь не чувствовал особенной опрометчивости в этом ответе. После мне только было досадно, что я оскорбил национальное чувство моих товарищей, но сам для себя я не чувствовал никакой неловкости от того, что отрекся быть поляком. Я, напротив, был очень рад почувствовать после этой сцены, что я не имею решительно никаких национальных пристрастий и что у меня *нет никакого отечества* – что для меня просто милы и дороги люди, – что я люблю все скорбящее и бедствующее человечество.

Таким образом, юный демократ и социалист отыскал в себе и еще одно новое свойство, пригодное для воспитания в нем совершеннейших социалистических симпатий: он был *космополит*, и (что всего реже) Бенни был космополит самый искренний, а не напускной, до первой кости. Да и удивительно ли было ему чувствовать себя космополитом? Отец Бенни (известный гебраист) жил в земле чужой, и родство у Бенни по мужской линии было еврейское; мать его была англичанка, не знавшая и даже, кажется, не изучавшая языка той страны, где ей довелось жить; он сам родился в Польше, стране, подвластной России и ненави-

дящей ее, – какое, в самом деле, могло быть отечество у такого, так сказать, беспочвенного гостя земли? Ему всего легче было чувствовать себя *гражданином вселенной*, – он так себя и чувствовал.